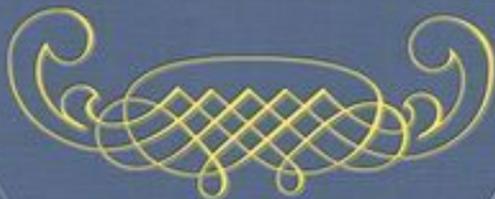

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш

Московские розы

Серия «Со старинной полки»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454535*

Аннотация

«...Москва – увядшая роза, и нам остался от нее один нежный запах, церковный запах воска и ладана...

Не Петербург, вопреки пророчествам, а Москва стала призраком. В том, что творится теперь в России, куда больше черт Петербурга, чем Москвы. Еще с легкой руки Достоевского Петербург объявлен умышленным городом, а теперь вся Россия – либо вымысел, либо умысел. Фантастический и чудовищный оборотень Петербурга – вот теперешняя русская явь, а многозвенная Москва как будто рассеялась призраком...»

Иван Созонтович Лукаш

Московские розы

Первые розы привез в Москву царю Михаилу Федоровичу голштинец Петр Марселлян.

Царь Михаил с рассеянной улыбкой вдыхал запах заморского цветка, поданного ему голштинским гостем.

В тяжелой парче и в сафьянных сапожках с зелеными каблуками, черноволосый и полный царь с черными глазами, грустно переливающимися на его бледном, слегка припухшем лице, осторожно держал в бескровных пальцах западный цветок... Я встретил в старых книжках заметку о первых розах в Москве, и представился мне такой, несколько жеманный образ москoviцкого царя, и сама Москва показала, как ни сентиментально мое сравнение, увядшей розой...

Москва – увядшая роза, и нам остался от нее один нежный запах, церковный запах воска и ладана...

Не Петербург, вопреки пророчествам, а Москва стала призраком. В том, что творится теперь в России, куда больше черт Петербурга, чем Москвы. Еще с легкой руки Достоевского Петербург объявлен умышленным городом, а теперь вся Россия – либо вымысел, либо умысел. Фантастический и чудовищный оборотень Петербурга – вот теперешняя русская явь, а многозвенная Москва как будто рассеялась при-

зраком.

Потому, может быть, и кажутся московские имена связками увядших роз. Такие пыльные букеты, отдающие горькой полынью, находили иногда за домашними киотами, но уже никто в доме не знал, какие приметы и какие воспоминания хранят засохшие цветы...

Так и московские имена. Та знаменитая просвирня, у которой учился языку Пушкин, говорила таким прекрасным и таким таинственным языком, что нам он кажется теперь полупонятной и необъяснимой музыкой.

Можно производить Хамовники, где будто бы жили ткачи, от голландского слова «хем» – рубаха, а Столешники – от древнего названия скатертей, но куда прекраснее всех толкований само звукосочетание Столешники, а то Ордынка или Таганка, Балчуга или Арбат, Пресня, Маросейка или Остоженка.

Теперь московская просвирня приказала долго жить, и нам не у кого учиться ее вдохновенному языку – только бы нам не забыть то, чему мы уже научились. Потому-то с такой жадной радостью перебираешь всем известные московские имена – все равно какие – гремящие и певучие, порхающие и смеющиеся имена Москвы: Щепунец, Феколка, Татьянка, Плющиха, Облупа, Красилка, Заверейка, Агашка, Девкины Бани, Ленивка близ Колымажного. Под Пушкой, Наливки, Варгупиха, Лопухин, Крутой Яр...

Вы не забыли, вероятно, что так звались в Москве кабаки?

Иконный, корабейный, бумаженный, манатейный, сайдашный, оружейный, ножевой, перинный, кожаный, капотный, крашенинный, замшевый, завязочный, кружевной, золотой, красильный, шапошный, скорняжный, ветошный, покромной, калашный, сурожский, скобяной, просольный, медовой, москательный, юхвенный, пушной, подошвенный, замочный, щепетильный, игольный, кисейный, холщевой, квасной... Так звались в Москве торговые ряды и, кажется, что еще кишит живьем в этих прилагательных обыденная Москва.

А Крестцы Китай-города, Неглиняная и Варварка, или Замоскворецкие Могильцы и Плотники, Кречетники, Трубники, Пушкари, Грачи, Кадаши, Толмачи, Бронники, Бараши, Басманники, Яндовы или Бражки и, наконец, прелестная Тишина, с ударением на втором «и», а то переулки Калашный, Камергерский и Лебяжий...

Так звались некоторые концы и улицы Москвы. А какими удивительными, явно смеющимися, были имена ее рек: Чичорка, Синичка, Хапиловка, Кабанка, Неглинка, Самоотека и сама Яуза...

Чудесны были имена и чудесных московских икон: Блаженное Чрево в Благовещенском, Благодатное Небо в Архангельском, Всемиловивейший Спас, Золотая Ряса и Сын во Славе Отчей в Успенском, в Новодевичьем – Одигитрия и Руно Орошенное в Зачатийском, на Остоженке...

А колоколов на Иване Великом было сорок, весом в шест-

надцать тысяч пудов, и среди них Семисотенный, Реут и Вседневный.

Девять звонарей играли на тридцати колоколах Троицы, и были там колокола по имени Лебедь и Немчин, Переспор и Корнаухий, Глухой и Годунов, Сокол, Ясачный, Медведь и Вожак.

Застольные, Нефимонные, Набатные, Всплошные, Часовые, Палиелейные, Пленные, Ссылные, Красные, Золоченые и Царские колокола были в Москве. Там были семьи колоколов – Четыре Брата или Три Рожка, Зазвонницы или Кимвалы, и был в Москве колокол Тишайший...

Литье колоколов – излюбленное искусство Москвы. Шесть веков назад отлил первый кимвал в Москве литейщик по имени Римлянин, но только на колокольных шатрах сохранились полустертые и неразборчивые имена русских мастеров:

– Харитон Иванов со товарищи Петром сыном Дурасовым слияли сей колокол во хвалу и во славу Бога Всемогущего...

Пушечный литец Андрей Чохов отлил Реут Ивана Великого и знаменитую Царь-Пушку, Царь-Колокол отлит литейщиком Иваном Моториным с сыном Михайлой, и тридцать три колокола поставлены в часовой бой на Спасской башне русским мастером Ефимом Горловым...

Звоны и благовесты, колокольная музыка всегда были музыкой Русской земли. Тончайшие обительские звоны передавались звонарями из рода в род. Славились нежные и пе-

вучие Звенигородские звоны, Симоновские и Савва-Сторожевские серебряные звоны.

Московские звоны Николы у Красных Ворот и колокольницы Вознесенской почитались усладительными красными звонами.

И кто не слышал о малиновых звонах Ростова Великого, о ростовских часомерах, отбивающих часы ночи и дня, – Ионанском, Акимовском и Будничном...

А фигурные звоны Троицы – переборы и трезвоны, перевоны и завоны по обиходникам, во все язычные и в красные...

Гудела, струилась, плыла крылатая Москва в неутихаемых звонах всех своих Троиц на Капельках, на Листах, на Грязях и всех Никол в Кленниках, в Гнездниках и Николы Мокрого и Заицкого, Николы на Пупыщах и в Кошелях, на Студенце и на Ямах, в Плотниках, на Песках, на Шепах, в Толмачах, в Пыжах, на Красном Звоне и Курьих Ножках, и Климента папы Римского, и Неопалимой Купины, и Воскресения в Гончарах, Рождества на Палашах, Благовещения на Бережках, Богородицы в Сенях и Богородицы в Звонарях, Похвалы Пресвятыя Богородицы в Башмачках.

Но умолкла Москва, и ее звенящие, колокольные имена кажутся теперь чужими звуками забвенного языка, и веет от них воздухом засохших цветов, церковным воздухом ладана и воска...

Москва – увядшая роза. Так пыльный букет; отдающий

горькой полынью, находят иногда за домашним киотом, но уже не знает в доме никто, какие воспоминания и какие приметы хранят засохшие цветы.